

Кедров не просто долгожитель и патриарх русской поэзии. Он продолжает активно писать и сегодня, ведь смысл поэзии – вечное обновление. Атмосферный столб почтенного возраста совершенно на него не давит. Поэт боится «замолчать», пусть даже условно и ненадолго. Он говорит, что ему сложно жить, не выставляя постоянно новые стихи на фейсбуке.

Константин Кедров родился в семье актёров. Я думаю, что это кардинальным образом повлияло на становление поэта. Вся классика мировой литературы разыгрывалась перед глазами рано повзрослевшего мальчика. «Самый умный русский поэт» – так охарактеризовал Кедрова Андрей Вознесенский. Но тяжесть энциклопедических знаний нисколько не довлечет над его лирикой. Он умеет быть простым и убедительным. Кедров – это Хлебников XXI-го века. У него верлибр – голос духа, а душа поёт и плачет в рифму. Юбилейная книга поэта составлена из стихов прошлого года, дополненных некоторыми важными стихами прошлых лет. И впервые представлен цветными иллюстрациями Кедров-живописец.

*Бой за поэзию был длителен без дат
Так с глухотой срывается Бетховен
Виновен я не в том, что виноват
А в том, что я и вправду невиновен*

«Параллельные прямые – пересекаются!» – учил великий геометр Лобачевский. Кедровское «виновен в том, что невиновен» так же парадоксально, как и прямые Лобачевского.

Кедров – человек щедрый и отзывчивый. В Литературном институте я учился у него, в узком смысле, литературе. А в более глубоком смысле – учился у него свободе. «Свобода – это родина поэзии», – говорил Кедров. Масштаб поэта зависит от его масштаба его личности. Константин Кедров жизнью своей демонстрирует нам образец существования во враждебном поэзии социуме.

*По комнате бродит медведь тишины.
Я заброшен сюда из другого, светлого века.
Мне смешно, когда 4 стены
На одного свободного человека.
Нет, я не строил клетку из кирпичей.
Это не я придумал замазывать солнце стеклом.
Люди, хотите, я позову врачей,
И они прикажут разрушить каменный дом.
А я... я заброшен сюда из другого, светлого века.
Для меня ваше здание – каменное ничто.
Мне смешно, когда на одного свободного человека
Надевают железное и каменное пальто.*

Это одно из ранних стихотворений, которое поэт также включил в новую книгу. Кедров за время долгой жизни пережил так много общественно-политических потрясений, что украинские события, шокировавшие многих людей, он воспринял с изрядной долей выдержки и спокойствия. Всё это уже «было, было, было» в недавнем прошлом. «Все стихи мои ныне – беженцы», – говорит поэт.

*Есть на свете страна мировой печали
там тоскливые мамонты качают гибкие ветви
там на гибких ветках печальные обезьяны
из стеблей лиан вяжут мамонтам гибкие пети*

*Я пришёл из эпохи великой людской печали
я ходил со слонами по диким лесам разлуки.
И меня обезьяны как маленького качали
на ветвях тоски на ветвях мировой печали*

Не страшит поэта и возможное забвение: «Хоть на тысячи лет позабудут / Незабудки меня не забудут / Гуси лебеди лебеди утки / Не забудут меня незабудки». Визуально кажется, что Кедров идёт путём Пастернака – от сложного к простому: «Голый Голем голая поэтика / Такова теперь моя эстетика / Давнее простое как мычание / Правильней простое как молчание». Но, пожалуй, не может нечто развиваться из пустоты. Значит, эти стилистические моменты случались у поэта и раньше. И действительно, тут же вспомнилось: «Земля летела по законам тела. / А бабочка летела как хотела!». Если приглядеться, разницы между «Незабудками» и «Бабочкой» практически нет. До поры до времени простое пребывало в тени сложного. В новом стиле письма поэта, в отличие от его поэм, написанных верлибром, появляется много эмоций, оценок. Некоторые стихи из «Бесконечности внутри юбилея» могут показаться нам царственно небрежными. Но настоящие жемчужины, которых и в новой книге очень много, вполне компенсируют нам этот кажущийся недостаток: «Я Цербер света в царстве тьмы / Пёс охраняющий умы», «С Леной мы свили гнёздышко в Гнездиновском», «Когда исчезнет мир телесный / Останется мой мир словесный / Мой бестелесный мир словесный / Всегда земной всегда небесный». И, конечно, всегда с поэтом открытая им метаметафора: «Перо упало – Пушкин пролетел».

Поэзия Константина Кедрова основана на чистой импровизационности и потому героична в век прагматичного возделывания авторами каждой строчки. Нужно иметь большую смелость, чтобы писать быстро и оставлять стихи в первоначальном виде – «как пришло». «Как стихи могут быть несвободны?» – спрашивает Константин Александрович, и, мне кажется, для него свобода – это ещё и ненасилие над собственной строчкой. «Мой финиш это вечный старт», – говорит Кедров-Челищев. Поэзия позднего Константина Кедрова – своеобразное акынство духа, когда поток сознания несколько не озабочен формой, в которую он облечён. «Я мыслю – значит, я констатирую» – так можно сформулировать творческий метод поэта. Однако цена такой лёгкости письма – высока. Даже «впавший в неслыханную простоту» поэт необычайно интересен: в нём есть такая широта и глубина, что, даже если её сузить, мало не покажется. «Говорит Википедия.орг / Что фантазией жил Сведенборг / Ну а что на земле не фантазия / Подскажи мне Европа и Азия».

Есть у Константина одно важное, на мой взгляд, качество, о котором почему-то никто никогда не упоминал. Это чувство юмора, которое присутствует у него и в стихах.

*Генетический код динозавра
Расшифруют учёные завтра
Ну а наш генетический код
Ни один динозавр не прочтёт*

Иногда, мне кажется, что юмор у Кедрова – это просто игривое настроение: «Не играйте моими нервами / Все последние будут первыми / Я и сам на нервах играю / И скорей всего проиграю». И далее: «Трансвеститы седьмого дня / Разодрали в клочья меня». Юмор у Константина – «с развитием»: с каждой строчкой становится всё смешнее. Гомерически смешные произведения писал он и раньше, например, «Анафему Льву Толстому». Юмор у Кедрова носит абсурдистский характер, это его отличительное свойство. Часто смешное идёт у поэта под руку с трагическим. Если поздний Пастернак во всё пытался дойти до самой сути, до сердцевины, поздний Кедров часто пыгается, исчерпав пространство, выйти за его пределы: «Понапрасну брюзжат липемеры / Что ни в чём я не ведаю меры / Да не ведаю меры ни в чём / Потому что мне всё нипочём / Что почём я и вправду не ведаю / Лишь поэзию проповедую». Это какая-то предельная свобода, импровизационность и страстность мысли. Ведь, согласно Кедрову, именно свобода – родина поэзии. Неформатный гений поэта ни на какие препятствия не обращает внимания. «Я давно превратился в слово», – говорит он. А как остроумно перефразировал он Булгакова: «С котами в коммунизм нельзя». И слышится: скотами... в коммунизм... («Стансы»).

Константин Кедров космичен и в любовной лирике. Его инсайдаут – не просто взаимозаменяемость внутреннего и внешнего, большого и малого.

Его Вселенная – продолжение тела человека.

*Сеют семя чем глубже тем выше
Ввысь стремится сквозь недра земли
Вы вошли в моё сердце и вышли
Жаль, что вышли не жаль что вошли*

*Так случилось ну так оно стало
Эта ниша тобой занята
Пустота в моём сердце осталась
Но ведь это твоя пустота*

На мой взгляд, и простое, и сложное сосуществуют в душе одарённого человека. Просто в какой-то период жизни «вперёд» вырывается то одно, то другое. Но изначально они – одновременны. В этом и заключается богатство души поэта.

*Пройдя сквозь всё на миг остановись
и поднимись в распахнутую высь*

КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА

К. Кедрову

Поэт играет со всем миром
Частями этого мира
Галактиками – в звёздный конструктор
Все фигуры играют со всеми
На доске гроссмейстера Кедрова
Набоков превращается в бабочку
Лужин прячется от Турати
В шахматной коробке обскура
Чёрный параллелепипед Малевича
Сияет изнутри несказанным светом
Кедров – это художественная гимнастика ума
(Упражнение с лентой Мёбиуса)
Гроссмейстер сделал ход e2-e4
Старые Васюки и Нью-Москва
Навсегда стали городами-побратимами
Шахматы играют в Человека
Кедров – это звучит гордо
Земной гражданин Небесной России
Верный своему многоликому «Я»
Человек впереди своего лица